

## РУССКИЕ В ПРИБАЛТИКЕ: ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

**Бакунцев А.В.**

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,  
факультета журналистики*

*В работе проблема культурной самоидентификации русских в Прибалтике рассматривается в общекультурном, гуманитарном ракурсе: на уровне национального самосознания, сохранения национального языка, традиций, функционирования национальных культурных институций, отношения к возможности культурной автономии в рамках страны проживания.*

Ключевые слова: *Прибалтика, русская диаспора, культурная самоидентичность, национальные традиции, культурная автономия.*

Объективно говоря, проблема культурной самоидентификации русских в Прибалтике является именно *проблемой* далеко не для всех русских прибалтийцев. Многие из них неплохо устроились в материальном и нематериальном смысле в этнически чуждых им условиях, заняли некое – свое и довольно теплое! – местечко в национальных общественных структурах стран Балтии и свое русское происхождение воспринимают скорее как некую формальность. Программы интеграции, принятые в странах Балтии и включающие обучение «иностранцев» (а по сути – представителей национальных меньшинств) государственному языку и обретение ими того или иного (литовского, латвийского или эстонского) гражданства, а также возможность переменить – так сказать, «прибалтизировать» – собственное имя, позволяют этническим русским (или – шире – русскоязычным) Прибалтики в той или иной мере слиться с коренным, «титულным» населением той или иной лимитрофной страны. Кроме того, за годы прибалтийской независимости выросло уже не одно поколение русских, которые не знают России, никогда в ней не были, а если и были, то только как туристы, экскурсанты, да и то большей частью в крупнейших ее городах – Москве и Санкт-Петербурге. Своей родиной – *во всех смыслах* – они считают (и неспроста) те страны, где они фактически родились: Эстонию, Латвию, Литву. С этими странами связаны их надежды, упования, виды на будущее. Но есть, разумеется, и такие, кто связывает свои жизненные планы исключительно с Западом. И среди подобных русских «нерусских» одни издавна восхищаются Россией, в особенности ее просторами и размахом, другие – считают ее дикой, неразвитой, малопригодной для жизни страной.

Но есть и другая, столь же многочисленная, часть русской диаспоры, которая, собственно, и является *диаспорой*, т.е. сравнительно замкнутой этнической общностью, в той или иной мере сохраняющей свои национальные ценности, обычаи, образ жизни, язык, культурные традиции. И вот для этой части русских людей проблема культурной самоидентификации представляется довольно острой и выражается в более или менее риторическом вопросе: как сохранить себя, свой язык, свои традиции в чуждой и отчасти враждебной социально-культурной и политической среде, по существу – в условиях чужбины? Однозначного ответа на этот вопрос нет.

В какой-то мере эту проблему могла бы решить так называемая *культурная автономия*, предполагающая учреждение и развитие специальных общественных структур, цель которых – поддержка культурного и национального самосознания национальных меньшинств. Во всех трех прибалтийских государствах существуют законы о культурной автономии, причем чуть ли не с 1920-х гг., когда бывшие прибалтийские провинции Российской империи впервые обрели территориальную и государственную независимость.

Уже в то время почти все национальные меньшинства «лимитрофов» воспользовались этими законами, пользуются они ими и сейчас, после развала СССР. Но русские колонии прибалтийских стран и тогда, и сейчас по какой-то причине пренебрегают возможностью учредить собственную культурную автономию. Как и до Второй мировой войны, современные русские Прибалтики демонстрируют исключительную разобщенность. Например, в Эстонии за все последние годы русские проявили единодушие и сплоченность едва ли не единственный раз, а именно когда развернулась кампания вокруг памятника Воину-освободителю – печально известного «Бронзового солдата» в Таллине. С этим событием, получившим резонанс далеко за пределами Эстонии, связано немало лжи, в распространении которой большую роль сыграли и верноподданные российские СМИ.

Подлые, воровские действия эстонского руководства спровоцировали бурный всплеск национальных чувств среди русского населения Эстонии, который обернулся чудовищным погромом в ночь демонтажа «Бронзового солдата». Пьяная, разнузданная толпа, в которой, кстати, чуть ли не треть составляли этнические эстонцы, неизвестно зачем разбила и разграбила десятки лавочек, отделений банков и проч. крупных и малых фирм и учреждений, большей частью расположенных в Старом городе. Я был там на следующий день и могу сказать, что зрелище заколоченных и закрытых фанерными щитами витрин произвело на меня самое тягостное впечатление. Но что еще тягостнее и противнее, так это то, что отношение русских и к памятнику, и к его переносу во многом было показным, нарочитым. Монумент, в виду которого в советское время принимали в пионеры, а в праздничные дни выставляли «пост № 1», в первые годы после перестройки был почти забыт и русскими, и нерусскими. Мало кто приходил к нему с цветами даже 9 мая. Но с началом кампании против него со стороны партии реформаторов, стоящей теперь у власти, все перевернулось. Русские «эстоноземельцы» вдруг объявили его исторической и культурной ценностью и сделали своим национально-культурным символом, хотя объективно они не имели на это никаких прав ни с какой точки зрения: ни с «технической» (все, кто участвовал в создании «Бронзового солдата», от скульптора до натурщика, были этническими эстонцами), ни с исторической (в освобождении Эстонии от фашистов участвовали не только русские, но опять же в первую очередь эстонцы – Эстонский стрелковый корпус Красной Армии).

Но кроме «Бронзового солдата», который теперь стоит на Военном кладбище Таллина, в Эстонии, да и в остальных лимитрофных государствах есть и другие атрибуты собственной национальной и культурной жизни русского меньшинства: русские школы, газеты, журналы, телевидение, радио, театры, культурные общества, культурные центры, русские кафедры в важнейших вузах. Все это, по сути, и является основой для культурной автономии. Требуется лишь ее формализация, но похоже, что русские прибалтийцы с нею не торопятся, да и вообще не заинтересованы ни в какой культурной автономии. Пару месяцев назад среди представителей русского населения Эстонии был проведен небольшой социологический опрос с целью выяснить, как русские эстоноземельцы относятся к идее культурной автономии. В опросе участвовали представители разных социальных слоев: студенты, предприниматели, рабочие, торговцы, учителя и др. Общим было мнение, что русским в Эстонии культурная автономия не нужна – отчасти, вероятно, потому, что далеко не все среди них понимают, представляют себе, что это такое.

Перестройка и последовавшие за ней годы независимости нанесли серьезный удар по культурной, интеллигентной прослойке русского населения Прибалтики. Многие представители этой «прослойки» Прибалтику покинули, переехав на ПМЖ в Россию, Европу, США, Канаду и т.п. В итоге в русской среде усилился неинтеллигентный элемент, который сегодня во многом «определяет погоду» в интеллектуальной и проч. сферах жизни русской диаспоры.

Русские СМИ в Прибалтике ужасают ничтожеством своего содержания и убожеством языка. Когда-то, еще до Второй мировой войны и даже потом, в советское время, русская община Прибалтики в какой-то мере была хранительницей *подлинного* русского языка. Об этом в свое время писал русский поэт, переводчик и историк литературы Ю.Д. Шумаков, живший в Эстонии: «Родную речь... в условиях зарубежья мы берегли как зеницу ока...» Но так было когда-то. Теперь же все по-другому.

Русский язык в Прибалтике подвержен самым разным трансформациям, которые правильнее было бы назвать *деформациями*. Наблюдается влияние местных, государственных языков и связанные с ним своеобразные *языковые «интервенции»*. Наиболее заметно это в области словообразования и словоупотребления. Например, в Эстонии в ходу словечко «максовать», которое является калькой эстонского слова *maksta* – *платить, стоить* (которое, в свою очередь, представляет собой кальку латышского слова *maksāt* с такими же значениями). В языке газет тоже чувствуется влияние государственных языков, некоторые обороты производят впечатление «нерусскости», смысл многих фраз туманен – именно в силу их особого, по сути, нерусского строя.

Конечно, такие явления можно считать «развитием» языка, его «регионализацией» (ведь существуют, помимо диалектных вариантов того или иного языка внутри страны-метрополии, еще и его «региональные», «зарубежные» варианты, как есть французский Франции и французский Швейцарии, французский Канады и т.п.). Но, на мой взгляд, это больше говорит о его искажении, уродовании, обеднении, а в конечном счете – и о *вырождении*. Впрочем, это явление не только сугубо прибалтийское. И в самой России можно наблюдать постепенное умирание, «вымывание», помрачение и вырождение литературного русского языка. Подлинная *языковая и речевая грамотность* (даже не культура) сегодня в России – большая редкость. Речь большинства россиян, даже формально образованных и в т.ч. имеющих гуманитарное образование, бедна, маловыразительна, бессвязна. Истинно народная речь, с ее образным и выразительным богатством, многими напрочь забыта, а то и вовсе изначально неизвестна, и многие из тех, кто по своему интеллектуальному уровню недалеко ушел от простонародья, говорят на таком наречии, за которое в прежние времена они и *на деревне* почитались бы отъявленными *дурнями*.

Почти всю русскую прессу Прибалтики иначе как «желтой», бульварной, назвать невозможно. Счастливое исключение составляют интеллектуальные журналы, но они, элитарные по содержанию, а потому не могущие широко распространяться, вчат довольно жалкое существование. При этом в обсуждении насущных социально-политических и экономических проблем русские СМИ, как правило, проявляют исключительную трусость. Эстонская печать куда смелее русской и не церемонится со своими правителями, отличается хлесткостью характеристик и здоровой злостью. Такого явления, как у нас, – подлизывания СМИ к власти и выклянчивания у нее государственных субсидий – в Прибалтике *не существует*, по крайней мере в национальных СМИ. Русские более лояльны к местным властям – главным образом из опасения, что за критику их могут закрыть. Поэтому русские газеты наполнены сообщениями о жизни т.н. «звезд» шоу-бизнеса, глупыми, а порой и пошлыми анекдотами, примерно такого же плана перепечатками из российских изданий. В какой-то мере русские издания Прибалтики являются уменьшенными копиями российских, но в условиях пребывания в чуждом культурном и проч. окружении недостатки русской прессы кажутся особенно резкими.

## THE RUSSIANS IN THE BALTIC STATES: THE PROBLEM OF CULTURAL SELF-IDENTITY

**Bakuntsev A.V.**

*Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism*

*In the article the problem of cultural self-identity of the Russians in the Baltic States is considered in cultural, humanitarian foreshortened: at the level of national self-awareness, preservation of national language, traditions, functioning of national cultural institutions, the attitude to the ability of cultural autonomy within the framework of the country you live in.*

Key words: *the Baltic States, the Russian diaspora, cultural self-identity, national traditions, cultural autonomy.*